

Консерватизм, его партнеры и оппоненты: конфликт как шанс на развитие

Постановка проблемы: взгляд либерала на консерватизм

Предлагаемая статья – это взгляд либерала на роль и место консерватизма в современной России – консерватизма скорее как политического течения, чем философии. Для либерала консерватизм в политике – это неременная составляющая политического сообщества, это партнер, без которого невозможен «политический танец». С этим партнером либерала многие базовые ценности объединяют, иные – разделяют и порождают острый спор и конкуренцию. Но всё же базовая ценность консерватизма, либерализма и, добавим, современной социал-демократии – в неприятии революционности в общественных преобразованиях, в необходимости эволюционного развития и цивилизованной конкуренции политических идей и программ. Именно это согласие лежит в основе политической стабильности современной западной демократии, обеспечивает динамический баланс посылов к сохранению и развитию. Забегая вперед, укажем, что это вполне созвучно взглядам на консерватизм Николая Бердяева.

Главной проблемой политического развития России и ответом на вопрос о роли консерватизма в нем в таком свете представляется нахождение российского аналога этого баланса. И наследие Николая Бердяева может дать весьма полезную пищу для размышлений.

Из наследия Н.А. Бердяева

Пятое письмо Н.А. Бердяева «О консерватизме» из труда «Философия нера-

венства», получившее известность благодаря мысли: «смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме», – дает четкое понимание, кого, точнее, что Бердяев усматривал в качестве антитезы консерватизма: *революционизм и радикализм*, в которых он видел *варварскую стихию*. Подчеркнем: не либерализм, а если социализм, то большевистский, а не социал-демократию в понимании даже современной ему Европы (вспомним, что и сам Бердяев в молодости увлекался социалистическими теориями).

Бердяев многократно закликает против разрыва с прошлым: травма многих пережитых им революций и изгнания на «философском пароходе» не могла не влиять на его мировоззрение, не говоря уже об эмоциональном состоянии. В революционных потрясениях он винит «и те консервативные силы, которые допустили в себе омертвление и окостенение», и революционные силы, которые «восстали на непреходящие ценности». Сравним это с известными пятью условиями Баррингтона Мура [2, р. 430], которые позволяют избежать обрушения в тоталитаризм (коммунистический или фашистский) при переходе от традиционного общества к современному. Последнее из них – наряду с отказом от абсолютной монархии и засилья старой аристократии – это «революционный разрыв с прошлым». В логике Мура этот революционный разрыв должны совершить силы, которые мы назвали бы «системными», – консерваторы, либералы, новая буржуазия, а «революционность» подразу-

мевают скорее решительность в реформах и отказе от феодальных и клерикальных пережитков, чем ниспровержение прежней власти: последним как раз занимаются «низы», если верхи оказываются к реформам неспособны. И неважно, «левые» это низы, как в СССР, или правые, как в Италии или Германии. Так что в этой диспозиции Бердяев и Мур только кажутся антагонистами – в главном они совпадают: чтобы избежать революций, нужно обновляться и не допускать окостенения старых структур. Разница же между ними – в отношении к «разрыву с прошлым»: Мур в отличие от Бердяева допускает его, поскольку пишет о той же эпохе, что и Бердяев, только почти полувеком позже. Он осмысляет все ужасы и фашистского, и сталинского тоталитаризма, которые воцарились не в последнюю очередь благодаря историческим поражениям «национальных моделей» консерватизма в России (Бердяев: «несчастлива судьба нашей страны [благодаря отрыву власти от народа]»), Германии, Италии в первые десятилетия XX века.

В своей апологии консерватизма Н.А. Бердяев постоянно подчеркивает необходимость его обращения в будущее:

– «в истинном сохранении и охране должна быть преобладающая энергия. Если в нем есть лишь инерция и косность, то это зло, а не добро»;

– «...иерархия... не должна препятствовать образованию новых качеств, не должна задерживать творческое движение»;

– и наконец: «наибольшую свободу для человека дает сочетание начала консервативного с началом творческим».

Таким образом, Бердяев видит «здоровую» альтернативу консерватизму в «творческом начале» и через их синтез утверждает сверхценность человеческой свободы. Увы, его научный спор с оппонентами разрешил не философ из другой школы, а обербург-гомистр города Штеттина Герман Хакен – именно его именем назывался «философский пароход», на котором большевики выслали из России Николая Бердяева и весь цвет отечественной интеллигенции, надолго прервав в нашей стране любой научный курс о консерватизме.

Применим ли в России опыт западного консерватизма?

Классический западный консерватизм (Эдмунд Бёрк) возникает как охранительный ответ на буржуазно-либеральный слом аристократических устоев. Добавим: возникает в Англии, где уже давно (к тому времени) существует цивилизованная, «джентльменская» конкуренция вигов и тори, причем тори считают себя «естественной властью», но виги часто оказываются у ее кормила. Напомним исчерпывающе точную характеристику этой ситуации в сатире Джонатана Свифта:

«Утверждают, что высокие каблуки [консерваторы-тори] всего более согласуются с нашим древним государственным укладом, однако... его величество постановил, чтобы в правительственных должностях... употреблялись только низкие каблуки [либералы-виги]... наследник престола, имеет некоторое расположение к высоким каблукам... один каблук у него выше другого, вследствие чего походка его высочества прихрамывающая» [то есть антагонизма между партиями нет – попытка маневрировать между ними заставляет принца хромать, но ни в коем случае не падать].

Политический консерватизм XIX века строится как антитеза: общая и естественно возникающая традиция противопоставляется политическим новациям; сословная иерархия – подъему новых групп и слоев; природное неравенство способностей – равенству возможностей; имманентное несовершенство человека (следовательно, осторожность и смирение) – смелому реформаторству. Эти противопоставления подчеркивают ситуационный характер консерватизма. Функция «охранения» остается, однако его объекты изменяются: в каждый исторический момент они разные, защищается то, что достигнуто, а достигнуто оно было не одними консерваторами и не одним сохранением, но и развитием. Традиционный «партнер-оппонент» консерватизма – это либерализм, хотя со временем все чаще (в Европе) эту роль играет социал-демократия, отказавшаяся от коммунистической революционности и включающаяся в общенациональный консенсус. Так возникает феномен, который американ-

ский историк Артур Шлезингер-младший назвал «жизненно важным центром» (vital center), – динамичный баланс охранения и развития, причем на первый план в разных исторических ситуациях выходят разные стороны.

В современном западном консерватизме, при всем его многообразии, можно выделить два течения: «традиционалистское» с более сильным акцентом на охранительстве и более новое – «либертариистское». Феномен его возникновения подтверждает сформулированный выше тезис об изменчивости реалий, которые «охраняет» консерватизм. Ценности свободы личности и индивидуализма, свободы рынка и предпринимательства, антиэтатизма – это историческое наследие либерализма, но ко второй половине XX века они стали центральными для «имущих классов», именно они стали «традицией» и потребовали охранения от новых оппонентов – государственного интервенционизма, эксцессов либерального «великого общества» (в США), «обретенных прав [droits acquis]» социалистического движения. Не случайно Милтон Фридман называл Маргарет Тэтчер «либералом из XIX века» (другие оппоненты говорили, что она «скорее виг, чем тори»). Именно этот новый консерватизм, либертарианство обеспечили экономический и политический успех рейганомии и тэтчеризма.

В выборе своих политических стратегий современный консерватизм постоянно колеблется между охраной традиций (чаще всего в том, что касается моральных норм) и стремлением к обновлению, как бы предпочитая осуществить его своими силами, чем «доверить» другим, потенциально более радикальным политическим силам.

Так, в большинстве случаев (США, континентальная Европа) консерваторы оппонировали расширению прав гомосексуалистов, эта тема даже становится мобилизующей для всех консервативных сил в обществе. Однако напомним «зигзаги» позиции британских консерваторов по этой теме. В 60-х годах прошлого века они поддержали «легализацию» гомосексуализма, в 1988-м наложили серьезные ограничения на его пропаганду в школах и деятельности органов самоуправления, а в 2012-м разрешили однополые браки, причем премьер-министр Кэмерон заявил: «Я поддерживаю гомосексуальные браки не

вопреки тому, что я консерватор, а потому, что я консерватор»¹. Секрет прост: консерваторы в Британии не могут допустить провала в молодом городском электорате, в котором популярны постмодернистские ценности.

Резюмируем: секрет успеха западного консерватизма в том, что он существует в конкурентной среде, а потому и внутри его существует конкуренция между «традиционализмом» и постепенным развитием. Именно эта конкуренция не дает консерватизму «провалиться» в реакционность (хотя отдельные сегменты консервативного общества туда постоянно попадают). Такая конкуренция отнюдь не всегда благоприятна – достаточно взглянуть на американский неоконсерватизм или на «партию чаепития», но ее преимущества и для консерватизма, и для всей национальной политики несомненны. Именно этот опыт требует изучения и осмысления для того, чтобы сделать российский консерватизм развивающей политической силой.

Российский политический консерватизм

Особенности российского консерватизма – от «допетровского» до современного – вытекают из того, что часто называют «властецентричностью» российского политического уклада. Эта властецентричность есть монополия правящего класса (а порой – одного только верховного правителя) на определение стратегии действий, то есть власть остается единственным субъектом политического процесса, оставляя всем прочим общественным силам роль исполнителей.

Согласимся с выводами вдумчивой и концептуальной статьи Л.В. Полякова [1]: в России государство, выстраивающее себя «не как публичное пространство, в котором представлены все общественные интересы, а как некий универсальный институт, введенный императором Петром Великим, – институт бюрократии», выполняет – в разные времена по-разному – функцию и охранения, и реформирования, порой ссорясь с определенными слоями элиты и общества, не принимающими реформ или, напротив,

¹ The Washington Post, March 30, 2012.

недовольными их недостаточной глубиной. Власть может быть и реакционером, и «единственным европейцем», и даже «революционером на троне». Кстати, и Л.В. Поляков указывает на важность этой властной «монополии»: «[при Николае I] каралось не инакомыслие, каралось само помышление о действии, независимом от государя». Не согласимся же мы с уважаемым коллегой в его мысли, что подобная ситуация была уникальна для николаевской эпохи: нам представляется, что все российские правители отличались лишь степенью нетерпимости к независимым от них политическим действиям, но никогда не поощряли их.

В такой модели российского консерватизма были очевидные преимущества. В первую очередь – это такой традиционный для любого реформирующего консерватизма ресурс как «перемены под флагом традиции», обеспечивающие их эволюционный характер и смягчающее противодействие реформе. С этим связаны еще как минимум два ресурса, определяемые тем, что реформы проводит власть, сакральная и консервативная по определению. Это принуждение к лояльности – во всяком случае, на самом болезненном этапе запуска реформ – и старой элиты, и консервативного большинства в обществе и обеспечение желаемой скорости реформ (тормозящая их необходимость согласования интересов при такой модели ниже, чем в обществах с развитым плюрализмом).

Вот как об этом пишет Салтыков-Щедрин: «Ежели мы не изобрели пороха, то это значит, что нам не было это приказано; ежели мы не опередили Европу на поприще общественного и политического устройства, то это значит, что и по сему предмету никаких распоряжений не последовало. Мы не виноваты. Прикажут – и Россия завтра же покроется школами и университетами; прикажут – и просвещение, вместо школ, сосредоточится в полицейских управлениях»¹.

Соответственно, власть имеет и такой ресурс, как управление процессами формирования элиты: в обычной ситуации

опирается на нее (равно как и на консерватизм большинства населения), в «реформаторской» – вынуждена ломать элитный консерватизм и стимулировать рост новых элит, которые становятся ее новой опорой.

Но вернемся к теме «охранения достигнутого»: недавно возрожденный Преображенский полк, символ традиции в русской армии, начинался как «потешная дружина», кузница петровских «гвардии сержантов» из низов, ломавших старую допетровскую элиту.

Нельзя не упомянуть и такой важнейший ресурс, как *патриотизм*. Любое реформирование – даже сопровождающееся массированным заимствованием не только технологий, но и институтов и культурных практик, – обосновывается необходимостью подъема России, обеспечения ее безопасности и процветания (впрочем, это черта любой модернизации сверху), и каждый модернизационный толчок приводит к переопределению национального достоинства – становится свидетельством национального успеха России.

Правда, в этих достоинствах есть и своя обратная сторона, связанная с описанной выше главной особенностью российской государственности – монополией власти на роль субъекта политики. Добившаяся успеха власть и поднявшаяся на этом успехе новая элита стремятся монополизировать плоды успеха и (выражение Хуана Линца) «зафиксировать стабильность», сохранить привилегии «ранних победителей». В этом контексте сохранившаяся неконкурентность политического поля становится именно орудием «фиксации»: она останавливает реформаторство и не дает плодам реформ породить новые общественные силы, которые поведут развитие дальше.

Патриотизм в этом контексте оказывается плохим советчиком: властная элита удовлетворяется достигнутым внешним сходством или сокращением отставания от наиболее развитых стран, не понимая (или, наоборот, очень хорошо понимая), что глубинное, институциональное сходство с передовыми образцами не достигнуто, а потому успех не становится «саморазвивающим».

Еще раз процитируем Салтыкова-Щедрина: он пишет, что если российско-

¹ Салтыков М.Е. [Н. Щедрин]. Господа ташкентцы // Сочинения М.Е. Салтыкова. Том четвертый. СПб.: Типография Стасюлевича, 1889. С. 3.

му чиновнику начальник прикажет открыть Америку, то тот *«разошлет во все места запросы и затем постарается кончить это дело измором», зато если приказ будет «привести всех этих Колумбов к одному знаменателю... вы не успеете оглянуться, как Колумбы подлинно будут обузданы, а Америка так и останется неоткрытой»*¹.

В результате через поколение или два отставание вновь усугубляется, потому что наши институты работают хуже. Нашему консерватизму всегда не хватает внутреннего и постоянно работающего «моторчика обновления», потому что таким моторчиком может быть только политическая конкуренция.

Без конкуренции же сочетание охранения и обновления в консерватизме (и во власти в целом) определяется лишь субъективными взглядами правителя, а не объективной потребностью страны в стабильности или переменах. И за ошибки в этих расчетах страна платит тяжелыми кризисами, а правитель может заплатить и жизнью. Дед Александра II внес эту плату собственным придворным, уставшим от бездумных перемен, а сам он, как и его внук, – разгневанным низам.

Наследие консерватизма по-советски

Еще один уникальный опыт нашей страны (прямо вытекающий из предыдущего тезиса) – на протяжении семи десятилетий роль консерваторов-охранителей в ней выполняли наследники творцов коммунистической революции – те самые, против которых направлен пафос консерватизма Н.А. Бердяева (и которые выслали его из страны). Функцию охранения они выполняли как любая российская власть, но со своей спецификой, по сути противной духу консерватизма. *Сохранять и охранять* большевики начали после того, как разрушили практически все устои старого мира. Конечно, в практике коммунистического режима можно найти немаловажные консервативные элементы: это и восстановленное уважение к патриотической исторической

традиции (но очень «отредактированной» жесткой партийной цензурой), и моральные нормы (не без существенных изъятий), и государственничество. Но отрицания базовых консервативных ценностей и упорствования в охранении этого отрицания всё же было гораздо больше.

Отрицание прав собственности и основанной на них меритократической иерархии, отрицание верховенства права, самоорганизации на уровне местного самоуправления – все эти коммунистические практики стали откатом назад даже в сравнении с последним полувеком существования империи, не говоря уже о консерватизме XX века. Добавим к этому тоталитарность идеологии и доведенную до абсолюта монополию государства на любые решения, будь то охранительные или преобразовательные, добавим полное удушение свободы личности, отрицание религии (воинствующее безбожие, сменившееся минимальной терпимостью к религии), добавим дремучий консерватизм в сфере культуры, особенно культуры современной и массовой, «коммунистический стандарт» которой все более отставал от реалий образованного и урбанизированного общества.

К сожалению, наследие этого советского псевдоконсерватизма не изжито и поныне. И пока это так, отечественный консерватизм будет лишен той жизненной силы, которой обладает консерватизм западный, да и любой иной: опоры на право, достоинство свободного собственника, меритократическую иерархию, освящающую мораль религию, сплочение для коллективных действий «по инициативе снизу», а не по «указке сверху».

Постсоветский консерватизм

Падение коммунистического строя – это одновременно поражение и победа консерватизма. Проиграл консерватизм советский, как показано выше, весьма непохожий на любые другие консерватизмы, но «матерый», укорененный, со своей историей успеха и телеологией. Поэтому его падение оказалось столь травматичным для всей нации. Однако с падением коммунизма стали восстанавливаться все те предпосылки консерватизма подлинного, которые

¹ Салтыков М.Е. [Н. Щедрин]. Господа ташкентцы // Сочинения М.Е. Салтыкова. Том четвертый. С. 7.

при коммунизме отсутствовали или были маргинализированы: собственность, рынок, общественная функция церкви, основные гражданские свободы и – пусть в зачаточном виде – политическая конкуренция.

Авторов рыночных реформ чаще всего именуют либералами, порой – «необольшевиками» за радикализм реформ. На самом деле по своим рецептам эти реформы, скорее либертарианские, то есть в логике консерватизма, обретшего черты «либерализма XIX века». Правда, западные либертарианцы по вопросам политики, общественном морали и т.п. чаще занимают «правые» позиции, а наши экономические реформаторы – скорее умеренные либералы, но тому есть свое объяснение – необходимость ухода от тоталитарного наследия.

Властная элита первого постсоветского десятилетия – это союз нового поколения «позднесоветской» номенклатуры, которая не сомневалась в необходимости реформ, и либертарианцев и либералов в федеральной элите. Без воспитанных в либертарианской традиции технократов, отвечающих за экономику и финансы, российская власть не обходилась никогда за последние четверть века, не обходится и сегодня. Однако их роль сугубо функциональна: они не являются акторами публичной политики, а потому не могут быть конструктивными оппонентами консерватизма в политике электоральной.

«Системный» же, то есть парламентский, спектр политических сил сегодня выглядит как торжество консерватизма. В нем доминирует «государственническая» консервативная партия, которая пытается сочетать охранение и обновление, а ее партнерами (или достаточно лояльными оппонентами) выступают партии «других консерватизмов»: советского, почти не обновленного у КПРФ и модифицировавшего риторику у «Справедливой России», или «квазиимперского» (по крайней мере по риторике) – у ЛДПР. С оговоркой, что у такой конфигурации партийной системы тоже есть достоинства (главное – достаточно высокая степень консенсуса), подчеркнем ее главный недостаток: это союз (или ограниченная конкуренция) *охранительных функций консерватизма, это конкуренция «вариантов прошлого» с настоящим.* В ней

у «Единой России» нет серьезных конкурентов из «лагеря развития», нет либералов, нет партий, опирающихся преимущественно на динамические и ресурсно обеспеченные слои общества, а у самой правящей партии с этими слоями довольно большие проблемы в коммуникации. То есть этот «триумф консерватизма» – мнимый, на самом деле – это тупиковый путь в поиске правильного баланса между охранением и развитием. В таком виде консервативный проект имеет большую вероятность превратиться в «проект стагнации», а не в «проект развития».

К национальной модели консерватизма развития

Возвращаясь к началу, подчеркнем: *в конечном счете* успехом и «проекта развития» России, и исторической миссии российского консерватизма мы считаем возникновение российского аналога «жизненно важного центра» – цивилизованной конкуренции консерватизма с другими идейно-политическими течениями. В то же время приведем две аксиоматичные мысли:

– без сильного консервативного течения на политической арене успешное развитие России представить невозможно;

– адекватная цивилизованная конкуренция консерватизму со стороны либеральной или социал-демократической партии в краткосрочной перспективе возникнуть не может – процесс партийного генезиса потребует даже в лучшем сценарии годы.

Путь к «жизненному центру», цивилизованной конкуренции и реализации проекта развития может строиться только через расширение конкуренции внутри политического истеблишмента, секрет его успеха – обретение баланса охранения и развития внутри этого самого истеблишмента. Осмелимся высказать некоторые соображения о продвижении к этой цели.

1. Строительство институтов. У нас институциональное строительство стало «проповедью» либералов и либеральных экономистов. На самом деле сильные институты – сугубо консервативная ценность: это залог сильного и эффективного государства и обеспечение универсальности

применения законов. Государство сильно только в том случае, если действует одинаково в одинаковых ситуациях и его действия не зависят от произвола чиновника.

2. Продвижение ценностей, вполне органичных современному и классическому консерватизму и не конфликтующих с особенностями российского консерватизма:

- верховенство права: любая консервативная традиция – глубоко правовая по своему существу. Независимость суда, универсальность применения законов – краеугольные камни государственной стабильности и традиции. В утверждении верховенства права огромную роль играет преодоление правового нигилизма и «верхов», порой злоупотребляющих своей властной монополией, и «низов», предпочитающих обманывать государство, а не соблюдать закон;

- развитие местного самоуправления. Консерватизм – это ценность приватной сферы и защита «своего», то есть возможность для гражданина влиять на то, как выстроена жизнь на его «малой родине»;

- продолжение этой логики требует справедливых и честных выборов, полноценной конкуренции – «меритократии» в партийно-политическом пространстве;

- непримиримость к коррупции – явлению, несовместимому с подлинным государственным делом, разлагающему элиту, бизнес, общество – сами основы консерватизма;

- прагматичное отношение к гражданским свободам. Да, это ценность в первую очередь либеральная (хотя в западных демократиях она давно стала консенсусной для всех основных политических течений). Но без соблюдения этих свобод трудно надеяться на завоевание симпатий городского среднего класса, особенно – молодого, а это во всем мире (вспомним описанную выше позицию Кэмерона) – один из основных столпов поддержки консерватизма.

3. В экономической сфере – развитие частной инициативы. Все, что связано

с этим: ограничение вмешательства государства в экономику, низкие и предсказуемые налоги, защита собственника и инвестора – изначально считалось ценностями либеральными, но так было в эпоху конкуренции старой аристократии с поднимающейся буржуазией. Ныне же свобода предпринимательства повсеместно считается ценностью консервативной.

4. Сфера морали и приватной жизни всегда имела огромное значение для консерваторов, и Россия – не исключение. Однако важно в этой сфере не ограничиваться темами, которые «модны и удобны», но не всегда значимы для приватной жизни большинства россиян. А вот такие явления, как алкоголизм и наркомания, вполне «достойны» того, чтобы российский консерватизм объявил им непримиримую войну, и успех в этой войне существенно поднял бы авторитет консерватизма и мобилизовал общество в его поддержку.

5. Деликатный момент: отношение российского консерватизма к Западу. Здесь можно выделить несколько моментов:

- проблемы, которые у российского государства есть в отношениях с ведущими странами Запада, не нужно путать с консервативной традицией этих стран: сложности в отношениях с господином Кэмероном или госпожой Меркель не отрицают полезности для России опыта западной консервативной традиции;

- никакие проблемы в отношениях со странами Запада не отменяют необходимости сотрудничества с Западом. Прimitивное антизападничество не есть синоним российского патриотизма и не способствует развитию России.

В процессе реализации такой программы, повторим, вполне соответствующей базовым консервативным ценностям, сложится новая коалиция общественных сил, которая и задаст параметры для «жизненного центра» – консенсуса по базовым принципам российской политики и цивилизованной конкуренции политических программ развития России.

Литература

1. Поляков Л. Пять парадоксов российского консерватизма // Отечественные записки. 2004. № 2 (17). С. 522–538.

2. Moore, Barrington Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston: Beacon Press, 1967. XIX. 559 p.